

Аннинский Л.А.

СЛОМЛЕННЫЙ

Повесть о Писемском

Три еретика. Повести о А. Ф. Писемском, П. И. Мельникове-Печерском, Н. С. Лескове. - М.: Книга, 1988. - 352 с. - (Писатели о писателях).
OCR Ловецкая Т.Ю.

Содержание

1. "Тюфяк" среди "углов"
2. Икс, игрек и зет "крестьянского быта"
3. "Тысяча душ" умного человека
4. Гибель Никиты Безрылова...
5. ...Во "Взбаламученном море"

"...Я, сломленный трудами моими..."

А.Ф.Писемский

Письмо Елене Бларамберг, 15 ноября

1880 г., за 35 дней до смерти.

Сломленный, низвергнутый, отброшенный, он закатился во *второй ряд* русской классики, где по сей день оберегается от полного забвения добрыми историками литературы. Есть что-то щемяще жалкое в том аттестате, какой они выдают ему на место в вечности. Писемский-де, конечно, ни глубиной, ни талантом "не равен" Достоевскому, Тургеневу или Островскому, но все-таки и он воплотил некоторые "характерные особенности" великой русской литературы: дополнил общую картину, разглядел "что-то свое", "отмежевал себе" долю соответственно своему таланту. Не всем же быть гениями: не из одних гор складывается пейзаж, нужны и пригорки...

Вроде бы и так, да какая-то ложь в самой основе. Чем пригорок "виноват" перед горой? - Почему, собственно, пригорок надо отсчитывать от горы? Почему не от равнины, не от низины, не от почвы? Положим, в моих вопросах не меньше лукавства, чем в тех формулах, на которые я ополчаюсь, да само лукавство-то и там, и тут не случайно; оно продиктовано внутренней двойственностью предмета. *Классики второго ряда* (книга моя посвящена этому феномену) есть вообще явление странное во всякой национальной культуре, это какая-то непонятная встреча мощи и немощи, зоркости и слепоты, свободы и скованности, полета и земного плена. Это не талант, *недобравший* до гения, не "половинная порция" *тех же* уроков, не "нижняя ступень" *той же* лестницы - это как бы *другая* тема, *не те* уроки, *иная* лестница...

Что до Писемского, то нынешние его исследователи, может быть, и неспроста, пряча неловкость, озираются на "горы" и "пики". В отличие, скажем, от Мельникова-Печерского, который всю жизнь так и провел во "втором ряду", среди "беллетристов-этнографов", или от Лескова, который был сходу вколотен во "второразрядные беллетристы", загнан туда в ходе жесточайшей драки сразу же при появлении своем в литературе, Писемский побывал-таки в "первом ряду". Он красовался среди главнейших наследников Гоголя целое десятилетие. Непосредственно *рядом* с Гончаровым и непосредственно *впереди* Тургенева. Он, Писемский, был причислен к главному созвездию, и никто по сей день не смеет сказать, что незаслуженно. Это тот случай, когда классик первого ряда не удержался в первом ряду. След высокой пробы, печать прошлой признанности продолжала всю жизнь гореть на его лице, хотя окончательность приговора была ясна всем. Люди, собравшиеся в 1880 году на достославный Пушкинский праздник, уже с трудом узнавали Писемского среди почетных гостей: и этот рыхлый, тучный старик - автор "Тюфяка" и "Тысячи душ", которого предшествовавшее поколение носило на руках? Тот, кого сам беспощадный Писарев поставил когда-то на первое место?..

Наиболее проникательные критики отваживались в этом смысле на аналогию с Гоголем. В чем не было внешней натяжки; повторяю: первыми же повестями Писемский безоговорочно поставил себя на первое место именно среди гоголевских учеников. Финал же Гоголя как бы предсказал и будущую драму